

ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

МАРИНА КРУТОВА

ЖЕНСКОЕ РЕМЕСЛО

Снег занавесил простынями сад:
Хэбэшки белоснежные висят
И в детство тянут и зовут упрямо.
Там — тошная стиральная доска,
На зимней речке — два гнилых мостка,
И прорубь, где бельё полощет мама...

В воде холодной пальцы, словно лёд.
Отпустишь ткань на миг — и унесёт,
А мама шутит: “Для русалок платья!”
С ней рядом — таз, бельё горой лежит...
Не каждый с ним управится мужик.
Вот только это — “женское” занятие.

Потом в саду от неба до земли
Белеют парусами корабли —
Морозом укрощённые скитальцы.
Так было раньше... И почти везде
Бельё купали в ледяной воде
И мучились всю жизнь от боли в пальцах.

Течением те годы унесло...
Быть женщиной — “простое” ремесло?
Поймёт не каждый этот подвиг тяжкий.
...А мама — рядом. И её рука,
Как в детстве, исцеляюще легка...
И я целую красные костяшки.

АНТОНОВКА

Антоновку с ветвей снимал сосед,
Стремянкой небо подперев умело.
И осень на его ладонях зрела,
И он был этой зрелостью согрет.

И становился будто бы здоров,
Вдыхая запах кислый и бодрящий.
И тяжесть яблок наполняла ящик
И душу наполняла до краёв.

Но жизнь сама снимает урожай,
Срывая с веток души, будто ношу...
И дом был снегом густо запорошен,
И было деда по-соседски жаль.

А прелый запах яблоневых строк,
Лежащих без движенья на соломе,
Напоминал, что был хозяин в доме,
Но пережить антоновку не смог.

г. Тверь

ИРИНА ИВАННИКОВА

* * *

Погост, перрон, дом детства моего.
А рядом те, кто не отбросит тени.
Я опоздала. Только и всего.
И в прошлое обрушены ступени.

Пока глядят оконные огни.
Им жить осталось, может быть, немного.
Сегодня вспомни, завтра — помяни.
Куда ни кинь — железная дорога...

г. Рязань

ОЛЬГА КОЧНОВА

* * *

А дальше будут только холода,
заплаканные стёкла, шорох капель,
и небо, точно блёклая слюда,
и лес расхристан, и весь мир — как паперть...

А дальше будет только этот снег,
пугающий своею чистотою,
лежащий на чёрный глянec рек,
летающий над тобой и надо мною...

А дальше... всё известно наперёд.
Я, как во сне, твою сжимаю руку,
и вижу ледостав и ледоход,
но кто-то вдруг окошко распахнёт
и душу выпустит,
и кончит эту муку...

* * *

Завтра снова будут идти дожди,
как вчера, как неделю, как год назад.
То ли лето кончается, то ли жизнь.
То ли вечность за окнами, то ли сад
старый, дедов.

Отчий храм — невоздвигнутый —
Кровный нетленный прах,
Ох, и тесно же мне
На твоих четырёх ветрах,
То застывших,
То гнущих на раз-два-три
Белопамятных плит
Закалённо-стальные штыри!

г. Челябинск

ДАРЬЯ УЛАНОВА

РЫБА РЫБЕ

Так улыбка будит фразу.
Так глаза хватают мрак.
Нам друг друга видно сразу:
Ты рыбак и я рыбак.

Так следы по перелеску
Вдруг уводят не туда.
Так судьба, закинув леску,
Тянет сердце из пруда.

Там серебряною сетью
Рябь плывёт поверх голов.
Спят в счастливом беспредметье
Твой улов и мой улов.

Светлым трепетом зовущим
Чешуя на них горит.
А внизу совсем беззвучно
Рыба с рыбой говорит.

Рыба рыбе говорит:
— Не люби меня, не надо.
Всё отмокнет, отболит.
Лишь побудь со мною рядом.

* * *

Я молчу, будто нечего больше сказать.
Будто ты уже знаешь всё про себя, про меня,
Про дурацкий вопрос, что повис между нами, как мост
Разводной. Шаг навстречу всегда приближает край.

И молчу. И тебя не гоню. И на мост не ступаю.
И несу свою ношу. Ты — драгоценный камень
На сердце моём. Безопасней писать стихи.
Потому что ты никогда не читаешь их.

г. Хабаровск

ТАТЬЯНА ЖИЛИНСКАЯ

БАБА НИНА И БАБА ВАЛЯ

Побудьте со мной, отдохните немного.
С трудом добрали до земного порога.
Путь был непростым из-за облачной дали,
Скажи, баба Нина, скажи, баба Валя?

Я редко стремилась “до вашага чаю”,
Делиться успехом, улыбкой, печалью,
Рассматривать раны, седины, медали —
Твои, баба Нина, твои, баба Валя.

Последний раз, помню, была званым гостем
На светлом осеннем смиренном погосте.
Так мудро от нас, от земных “паміралі”,
Что ты, баба Нина, что ты, баба Валя.

Тихонько вдвоём собирались в дорогу,
“Дзецям” жизнь свою отписав понемногу.
С разбежкой в месяц «ляглі ў зямлю кралі»,
И ты, баба Нина, и ты, баба Валя.

Теперь пустота. Ни прийти, ни проведать.
Ни спеть, ни испечь, ни спросить, ни отведать...
Кому я скатёрки стараюсь, крахмалю?
Зачем, баба Нина, зачем, баба Валя?

Ну вот, повидались, пора и обратно.
Там с Богом ведите себя деликатно...
Жемчужной росинкой на скатерть упали
Слеза бабы Нины, слеза бабы Вали.

г. Минск

ИЛЬЯ ПОКЛОНСКИЙ

* * *

Над пустыющим сквером безлунное небо озябло,
Кто-то бродит по тропкам в холодном осеннем дыму,
Ветер, гасящий звёзды и листья срывающий с яблонь,
Что-то шепчет вослед уходящему в мёрзлую тьму.

Пёс, бредущий за ним, растворяется в сумерках зыбких,
Пёс уходит за ним в неприютный безлиственный мрак.
И в клубящейся мгле мне мерещатся отзвуки скрипки,
И печальный скрипач, облачённый в мерцающий фрак.

Он играет для звёзд, он играет для листьев осенних,
Для фонарных огней и ворон, открывающих клюв
И кричащих в простор, где толкуются безликие тени,
И все плачут о чём-то, оплывшие свечи задум.

И несутся над ним неуёмные зимние ветры,
И срывают, как листья, гниющую кожу вещей,
Гасят свет фонарей, увлекая в межзвёздные недра
Силуэт одинокий в оборванном старом плаще.

Кружат всюду ветра, и под звук обезумевшей скрипки
Всё срывается с места и мечутся толпы теней,
Всюду слышится хохот, но нету на лицах улыбки,
И в тумане лишь ветер да пятна слепых фонарей.

А потом тишина... И смычок не змеится по струнам,
И во мраке лишь чей-то далёкий, чуть слышимый плач,
Только стая ворон всё кричит над простором безлунным,
И по листьям увядшим уходит безмолвный скрипач.

г. Минск

АНТОН ШКОЛЬНИКОВ

ЗИМА И ПЕЧЬ

В лапе еловой, несжатом хлебе,
В листве гнилой...
И на земле — зима, и на небе,
И под землёй...

В стогах, сугробах, собачьем лае,
Кошачьих снах —
Зима. Не добрая и не злая,
Как есть. Зима.

Нет-нет, да снег отряхнёшь чекушкой
С сутулых плеч:
Зима — весь мир. Человек — избушка.
В избушке — печь.

Подёрнет ухом у печки кошка
На ставен трель —
С мороза кто-то глядит в окошко:
— Пусти, согрей...

Зима. В сердцах, на висках-опушках —
Везде права...
— Согрею, что ж... Заходи в избушку.
Неси дрова.

...С устатку кто, может, кто с охоты,
А кто — с утех...
Но если в душу стучится кто-то —
Пускайте всех.

Натопчут — пусть! Надымят прилично,
И негде лечь...
Не стены греют.
И не наличник.
Топите печь.

г. Омск

АЛЕКСАНДР РУХЛОВ

* * *

Я Одиссей. В крови шумят века.
И долог путь, и время кровожадно.
Я шёл без карт, но шёл наверняка —
На шум одежд прозрачных и прохладных.

Ветра безумствуют. Разбиты корабли
О рифы острые, затерянные в море.
Зачем я уходил на край земли
И оставлял тебя одну рыдать у мола?..

Кругом лишь невозможный горизонт,
Где небеса и волны бьются лбами.
Сквозь голоса сирен иду на зов,
Зову тебя солёными губами.

И я ко дну пускаю сундуки,
Где скрыта с глаз поверженная Троя.
Я тишину хочу кормить с руки
В той бухте, о которой знают двое.

И я приду — назло отливам всем
И поцелую женщин нелюбимых.
Я растеряю всех в пути. Я — Одиссей,
Одной тобой в кромешной тьме хранимый.

г. Курган